
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

А.С. Бочкарев

*Карельский научный центр Российской академии наук
(ИЯЛИ КарНЦ РАН)
Петрозаводск, Россия*

УДК 94(47)

DOI 10.35785/2072-9464-2022-57-1-136-149

«ХЛЕБНАЯ СКУДОСТЬ» КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКАХ «НОВОГО СТРОЯ» В 1660-е ГОДЫ

Ключевые слова: *олонецкие полки «нового строя»; система продовольственного снабжения; хлебное жалованье; дезертирство; русско-польская война 1654–1667 годов.*

В статье исследуются проблемы системы продовольственного снабжения русской армии во время русско-польской войны 1654–1667 годов. Сделана попытка выявить степень зависимости возросших масштабов дезертирства солдат олонецких полков «нового строя» от снабженческого кризиса начала 1660-х годов. В исследовании использовались историко-генетический и сравнительный методы. Автор доказывает, что максимальное обострение взаимоотношений солдат с командованием в 1662 году в немалой степени обусловлено негативными последствиями денежной реформы середины XVII века и несвоевременной выплатой хлебного и денежного жалованья. Данное обстоятельство, а также непоследовательная политика правительства в отношении солдат Олонецкого уезда спровоцировали резкое увеличение количества бежавших со службы солдат. Принятые властями меры по сдерживанию обнищания солдат окончились провалом. Борьба с дезертирством принимала различные формы, однако остановить повальное бегство из полков не удалось.

Поддержание боеспособности военного подразделения напрямую связано с регулярным и качественным продовольственным снабжением. Этой необходимостью обуславливается существование интендантской службы – системы учреждений, осуществляющих разнообразное снабжение вооруженных сил. К середине XVII века в России в основных чертах сложились структуры, реализующие в военное время обеспечение продоволь-

ствием ратных людей, в том числе войск «нового строя». В статье рассмотрены проблемы продовольственного снабжения и их влияние на рост масштабов дезертирства и даже активного сопротивления командирам в олонечских полках «нового строя» в начале 1660-х годов, когда взаимоотношения нижних чинов и командования накалились вплоть до открытого неповиновения.

Вопрос о том, в какой степени трудности с выплатой хлебного и денежного жалования воздействовали на дезертирство солдат олонечских полков «нового строя», сегодня остается малоизученным. Несколько общих и довольно размытых замечаний об управлении армейским продовольственным снабжением в XVII веке можно найти еще в дореволюционных исследованиях [Затлер, 1860; Бобровский, 1886; Столетие военного министерства, 1903]. В классической работе А.С. Лаппо-Данилевского рассматривается взимание прямых натуральных налогов на содержание военнослужащих [Лаппо-Данилевский, 1890]. В более поздний период появляются подробные исследования, посвященные правовым основам русской военной организации второй половины XVII века, в том числе юридическим обоснованиям системы снабжения [Калинычев, 1954]. Наиболее обстоятельный разбор продовольственной системы русской армии провел П.П. Епифанов [Епифанов, 1979]. Специфика военного рациона также не была обделена вниманием исследователей [Вдовина, 1979]. Лишь в монографии К.В. Базилевича, посвященной денежной реформе царя Алексея Михайловича, уделяется внимание связи между обесцениванием медных денег и падением дисциплины в армии в целом [Базилевич, 1936]. Конкретные же сведения об олонечских полках «нового строя» можно почерпнуть из коллективной монографии по истории Карелии [История Карелии с древнейших времен до наших дней, 2001].

Вопросы денежного и натурального довольствия олонечских солдатских и драгунских полков, роль «хлебного фактора» в поддержании их стабильности остаются неизученными. Между тем обострение отношений и рост неповиновения в низовом солдатском звене в 1660-е годы были непосредственным образом связаны с перебоями в снабжении и продуктовой дороговизной как прямыми последствиями неудачной денежной реформы середины XVII века.

Источниками для исследования послужили делопроизводственная документация за вторую половину 1650 – начало 1660-х годов из фонда 210 РГАДА по описи Столбцов Новгородского стола [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 109, 129], связанная с функционированием системы продовольственного снабжения действующей армии, ее содержанием и борьбе с дезертирством, а также бюджетные сметы Олонечского уезда за те же годы в описи по Олонцу фонда 137 РГАДА [РГАДА, ф. 137, Олонец, д. 4]. Особенности и механизмы обеспечения солдат питанием отражены и в опубликованных источниках [Соборное Уложение 1649 г., 1961; АМГ, 2; АМГ, 3]. Сюжеты, связанные со спецификой

распределения продовольствия и содержания военнослужащих, можно встретить в сочинении известного перебежчика, подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина [Котошихин, 2000]. В дневнике Патрика Гордона отразилось описание катастрофического финансового положения русской армии в 1661–1662 годах [Гордон, 2003]. Источникам, относящимся к различным сторонам службы солдат Олонецкого уезда, в том числе их содержанию и дезертирству, посвящена публикация А.Ю. Жукова «Олонецкие полки “нового строя” в 1662 г.: документы и материалы» [Жуков, 2014]. Данные разнообразны по видам и типам архивные и опубликованные источники позволяют нам решить поставленные задачи.

Система продовольственного снабжения армии. Еще в 1630 году в ходе военной реформы, направленной на усиление армии и увеличение элементов регулярства в войсках, были сформированы воинские части нового типа, опирающиеся на четкую штатную структуру, единообразное вооружение и систематическое обучение. Получившие название полков «нового строя», данные подразделения отвечали новейшим требованиям тактики боевых действий. В 1649 году в связи с необходимостью увеличения войск на русско-шведской границе правительство стало формировать поселенные войска – в солдатскую и драгунскую службу записывали крестьян Олонецкого уезда; в войну с Речью Посполитой 1654–1667 годов олонецкие полки были приписаны к Новгородскому разрядному полку [Епифанов, 1979, 245–246; История Карелии с древнейших времен до наших дней, 2001, 125]. Рост численности полков «нового строя» и особенности их комплектования обусловили создание довольно целостной системы продовольственного снабжения.

Центральное управление продовольственным снабжением войск «нового строя» осуществлялось Хлебным и Житным приказами. Хлебный приказ делил свои функции с Хлебным столом Разрядного приказа и ведал сбором хлеба, закупками и его распределением в воинские части. В подчинении Житного приказа находилось 300 житниц, ресурсы которых направлялись на содержание войск [Столетие военного министерства, 1903, 3–4; Бобровский, 1886, 85; Калинычев, 1954, 125; Затлер, 1860, 36]. Житницы располагались почти во всех порубежных городах [Епифанов, 1979, 258].

Заготовки продовольствия регулировались царскими указами; при этом вся система законодательно опиралась на Соборное уложение 1649 года. По утверждению Ф.К. Затлера, перед началом военной кампании учреждалась специальная комиссия для сбора хлебных и мясных припасов. Среди ее обязанностей важнейшими были обеспечение надлежащего сбора провианта и его доставка в назначенные места в товарном виде. Подобные операции могли возлагаться и на отдельное начальствующее лицо [Затлер, 1860, 36–37; Столетие военного министерства, 1903, 6].

Фактически сбор провианта для нужд армии в военное время – это натуральный налог, взимавшийся правительством с населения, «служилые

хлебные запасы». Повинностью облагались поместья и вотчины, дворцовые волости, посадские люди, церковные и монастырские земли. Фиксированной нормы налога не существовало, зачастую сбор происходил по рассмотрению воеводы, в некоторых случаях перечень и нужное количество продуктов регулировались отдельными царскими указами. Помимо хлеба взимались иные продукты: мясо, масло, толокно, соль, а также куры, бараны, коровы [Лаппо-Данилевский, 1890, 408–409].

Примерно таким же образом с населения взимался налог на жалованье ратным людям. Соборное уложение регулирует общий порядок данной повинности: «и для тоя службы велит государь своим государевым ратным людем всего Московского государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратным людем денги збирати со всего Московского государства, а побор положить смотря по службе» [Соборное Уложение 1649 г., 1961, 82].

Источники показывают, что, выполнив заготовку провианта, уездные воеводы отчитывались о количестве собранного продовольствия. Так, в октябре 1656 года воевода прифронтового Велижского уезда Киприян Девежин в ответ на царскую грамоту о сборе и раздаче солдатам хлебных запасов сообщал Алексею Михайловичу, сколько удалось собрать с уездных земель: «И я... из Велижского уезду собрал с крестьян ржи семнадцать четвертей с полуосьминою... волостной староста собрал из Велижского уезду пять четвертей. И всей той государь ржи собрано двадцать две четверти с полуосьминою. А панского хлеба, государь, в Велижском уезде не собрался» [РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 109, 69].

Ведя речь о еде XVII века, следует иметь в виду, что повсеместно встречающееся в русских источниках словосочетание «хлебные запасы» подразумевает под собой целый ряд пищевых категорий, составлявших основу рациона военнослужащих. Четких норм пищевого довольствия не существовало. Походный паек мог включать в себя в различном соотношении и количестве ржаной хлеб (он был в особом почете, так как считался более питательным продуктом и обходился дешевле пшеничного [Вдовина, 1979, 219]), ржаные сухари, крупы (пшено, овсяная, ячменная и гречневая), толокно, солод, соль, коровье масло, творог, горох, чечевицу и водку [АМГ, 3, 45, 425–426; Петрей, 1867, 381–382; Вдовина, 1979, 219–224; Епифанов, 1979, 259]. Налицо преобладание растительной пищи. Что касается мяса или рыбы, то объемы потребления данных продуктов нижними чинами, скорее всего, были невелики и составлялись в войска с царского двора (как и соль) [Котошихин, 1884, 161].

В годы войны с Речью Посполитой (1654–1667) сбор и заготовка хлебных запасов осуществлялись в местностях, где дислоцировались отряды действующей армии. Фуражировка, которая производилась по специальным указам, приобретала и черты закупок, и черты изъятий и контрибуций. При этом для товарообмена с местными жителями правительством или

воеводой могла быть установлена *указная цена*. Согласно статье 21-й главы VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения, это фиксированная стоимость жизненно важных продуктов. Такой инструмент экономического регулирования иногда мог предотвращать рост цен [АМГ, 2, 538, 548–549, 622; Соборное Уложение 1649 г., 1961, 85–86; Епифанов, 1979, 259].

Следующим этапом снабженческого процесса была доставка собранных запасов в уездный город. Зачастую провиант везли водным путем благодаря развитой водной сети европейской части России, используя «суды большие и струги». За «судовое дело» отвечали уездные власти. Они же руководили транспортировкой провианта [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 109, 4–27, 31–38]. Далее продовольствие помещалось в городские житницы [АМГ, 2, 388, 531; АМГ, 3, 53–54]. Распределением хлебных запасов по воинским частям занимались уездные воеводы. Солдат могли обеспечивать как только что собранным с уезда провиантом (эти запасы назывались «сборные»), так и продовольствием, присланным из Москвы («казенным»). Например, в Велиже в 1656 году воевода Киприян Дедевшин раздал собранную ранее с уездных земель «рожь салдатам октября в 29 день девяносту трем человекам по полтора четверика на человека на месяц»; позже Дедевшин также произвел раздачу хлебного корма из казенных запасов – девяноста трем солдатам по четверику ржи и четверику сухарей на человека: «И всего государь вышло на тот месяц ржи казенной шесть четвертей с осминою да зборные государь ржи вышло пять четвертей с четвериком» [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 109, 69–70].

Система продовольственного снабжения полков «нового строя», несмотря на кажущуюся стабильность и организованность, имела существенные недостатки, будь то прямая зависимость от урожаев или уязвимость перед финансово-экономическими потрясениями. Серьезные последствия этих проблем ощутили на себе в начале 1660-х годов войска Новгородского разряда, когда в России вспыхнул финансовый кризис.

Выплата кормового и хлебного жалованья. Экономическая ситуация стала резко ухудшаться в 1661 году. Это было связано с неустойчивостью медных денег, их обесцениванием из-за увеличения денежной массы и скачком цен на продовольствие. Г.К. Котошихин сообщает в своем сочинении, что население стало отказываться принимать медные деньги и подвозить провиант в распоряжение войск. Началась повсеместная дороговизна: «А служилым людям царское жалованье давано полное, а они покупали всякие запасы и харч и товары вдвое ценою, и от того у них в году жалованья не доставало, и скудость почала быть болшая. Хотя о тех денгах был указ жестокой и казни, чтоб для них товаров и запасов никаких ценою не подвышали: однако на то не смотрели» [Котошихин, 1884, 122–123]. По данным Московской померной избы, стоимость четверти ржаной муки в Москве с ноября 1661 года по февраль 1662 года выросла с 8 до 14 рублей

[Базилевич, 1936, 41]. В это же время в Новгороде цена доходила до 52 рублей [АМГ, 3, 491].

Кризисная ситуация нашла отражение в свидетельствах современников. В своем дневнике Патрик Гордон, перешедший как раз в 1661 году на русскую службу, по понятным причинам заострял внимание на тех экономических проблемах России, которые непосредственным образом сказались на знаменитом солдате удачи. Во время нахождения в Пскове (на пути в Москву) он записал в дневнике: «Здесь я убедился в низкой цене медных денег и, видя всеобщую дороговизну и необычайную угрюмость людей, почти обезумел от досады» [Гордон, 2003, 102]. Буквально за день до этого с Гордоном произошел курьезный случай. Миновав русскую границу, он продал своего коня, но, толком не разобравшись в денежной системе, страшно продешевил: «...я продал моего рысака за 9 рублей медной монетой, вообразив, будто каждый рубль равен двум рейхсталерам; в Варшаве он стоил мне 30 рейхсталеров, да и то по хорошему знакомству...» [Там же].

В изучаемое время выплата жалованья военнослужащим Новгородского разрядного полка осуществлялась медной монетой. Часть этих денег удерживалась в казне, и в счет этих средств солдат получал от государства свой месячный продуктовый паек, то есть *месячный корм*, как его именуют источники, или *хлебное жалованье*. О такой практике выплаты государева жалованья говорит ряд источников. В отписке воеводы Новгородского разрядного полка Бориса Александровича Репнина весной 1662 года о прибавке солдатского жалованья можно обнаружить следующее: «А вычитают, государь, у тех салдат за хлебные запасы из месячного корма за четверть сухарей по пять алтын, за ячмень по десять алтын, за овес по шти алтын по четыре денги» [Жуков, 2014, 118]. Он же распорядился выдавать продовольствие солдатам в июле: «государева жалованья хлеба и соли давать на месяц с вычетом» [Там же, 120–121]. Его сын, воевода Великого Новгорода Иван Борисович Репнин в августе того же года сообщает в отписке своему отцу о выдаче личному составу поденного корма и продовольствия: «а на сентябрь месяц великого государя жалованья кормовые деньги по три алтна человеку даны. Да им же в зачот дано по полчетверику человеку сухарей да четырма человек полчетверика толокна» [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 70]. В октябре, решая проблемы с выплатой жалованья олончанам в Опочке, подполковник Христофор Трейден писал: «в государевой казне денги есть болши семисот рублей, которые денги у нас [офицеров] и у салдат вычитаны из наших кормовых денег за хлеб и за иные запасы» [Жуков, 2014, 135].

В ситуациях, когда, вероятно, государство не могло таким образом кормить войска из-за перебоев в поставках или по каким-то иным причинам, на руки солдатам выдавались деньги, ранее удерживаемые в казне за хлебное довольствие, и те самостоятельно обеспечивали себя пищей. В ходе исследова-

ния определенной закономерности выплаты тем или иным способом жалованья выявить не удалось; по-видимому, вопрос, выдавать продовольствие или деньги, решался ситуативно. Выплата государева жалованья регулировалась конкретными царскими указами и контролировалась властью на местах. Продуктовыми пайками могли обеспечиваться отряды воюющей армии [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 109, 69–73] и маршевые подразделения [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 70]. С другой стороны, из бюджетных смет Олонецкого уезда известно, что в 1658–1660 годах гарнизонам в Олонце, Лавуе и других пограничных острогах и заставах хлебное довольствие было заменено выдачей наличных денег [РГАДА, ф. 137, Олонец, д. 4, 253–253 об., 300–300 об., 358]. Таким же образом выдавались деньги олонецким пушкарям в 1661 году [Там же, 410 об.]. В сентябре-октябре 1662 года олонецким солдатам, стоящим в прифронтной Опочке, вместо продуктовых пайков тоже должны были выдаваться деньги [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 188–189].

Напряжение в отношениях с верховной властью наблюдалось в этот период и среди иностранного офицерства на русской службе. 24 мая 1662 года они подали челобитную на имя царя, в которой просили платить им жалованье не медной, а серебряной монетой, как предыдущим поколениям их сослуживцев-иностранцев, а кроме того, выражали недовольство заметно лучшим положением иностранцев в Москве, у которых и жалованье выше, и нет недостатка в продовольствии. В Новгороде, писали иноземцы, «от всякой дорогой цены хлеба и всякого харчу купить не на что и впредь никаких служилых запасов и лошадей купить нечем, что на всякие запасы и на хлеб и на харч стала цена немерная большая и они де, будучи на твоей службе, от хлебной дороговизны в конец погибли». В связи с этим воевода Б.А. Репнин в переписке с царем Алексеем Михайловичем выразил озабоченность ситуацией, намекая на возможную измену со стороны иноземцев, если те вступят в бой без хотя бы частичного удовлетворения требований. В результате Репнину пришлось выдать сверх основного хлебного жалованья дополнительное продовольствие в ущерб русскому уездному офицерству [АМГ, 3, 490–491].

Однако и в Москве не все иностранные офицеры были довольны своим положением. Патрик Гордон постоянно клял медную монету и был совершенно недоволен финансовой ситуацией; судя по всему, он вместе с другими иноземцами подавал челобитную царю о прибавке жалованья: «Но всего хуже скудная плата в низкой медной монете, ходившей по четыре за одну серебром, так что я предвидел невозможность существования, не говоря уж об обогащении, в чем меня уверяли перед отъездом из Польши» [Гордон, 2003, 106, 115]. Ведь в среде европейских наемников в то время ходили упорные слухи, что на службе русскому государю жалованье платится исправно и офицеры быстро достигают высоких чинов [Там же, 100].

Что касается Новгородского разрядного полка, в частности сражавшихся в его составе олонецких полков «нового строя», то тяжелейшая финансово-экономическая ситуация, от которой серьезно страдали нижние чины, откровенно поставленные на грань голода, а также непростая обстановка на фронтах, также являвшаяся существенным фактором падения дисциплины, вызвали повсеместную деморализацию личного состава.

В рамках мероприятий по выходу из кризиса и восстановлению боеспособности Новгородского полка правительство провело ряд операций. Во-первых, было увеличено солдатское жалованье. В соответствии с царским указом с декабря 1661 года олонецким и заонежским солдатам и драгунам введена прибавка к *поденному корму* в размере одного алтына в день, и в результате размер суточных денег достиг трех алтын: «И мы олонецких и заонежских солдат и драгунов пожаловали, велели им нашего жалованья, поденного корму, для нынешния хлебныя дорогови, давать перед прежним с прибавкою, а прибавить по алтыну на день и давать им велели... по 3 алт. на день» [АМГ, 3, 472–473; Жуков, 2014, 99–101]. Позже, в апреле 1662 года, воевода Б.А. Репнин увеличил солдатское месячное довольствие. Паек, состоящий из четверика сухарей, четверика ячменя и четверика овса, пополнился четвериком ячменя на человека: «А не прибавить им, салдатом, твоего государева жалованья хлебных запасов мы, холопи твои, не смеем, потому что многие салдаты ныне с твоей великого государя службы бегут от голоду, и чтоб и достальные салдаты с твоей великого государя службы не разбежались» [Жуков, 2014, 118].

Во-вторых, были амнистированы все беглые солдаты. В том же указе от декабря 1661 года царь Алексей Михайлович распорядился не наказывать дезертиров, вернуть их на службу и осуществить прибавку жалованья: «а нетчиков, которые от нужи от голоду со службы сошли или которые, слыша после бою боярский отход, велели ныне выслать на нашу службу безсрочно тотчас, а вину их мы пожаловали, велели им отдать и выслать без наказания, а сказать, что им наше жалованье, корм, велено давать перед прежним с прибавкою» [АМГ, 3, 472–473; Жуков, 2014, 99–101].

Несмотря на радение о служилых подданных заботой о продовольствии и сохранении покупательской способности солдат, в документах красной нитью проходит основной мотив данных акций – борьба с дезертирством: «и они б, видя к себе нашу милость, нам служили и с службы не бегали, и будет учнут впредь с службы бегать или которые ныне на нашу службу не пойдут и учнут избегать, и тем быть в смертной казни без пощады» [Там же].

«Слыша хлебную скудость и устрашась голодной смерти». Дежно-продовольственная проблема заставляла командование Новгородского полка изыскивать новые способы сохранения приемлемого содержания солдат олонецких полков «нового строя». Одним из таких мероприятий стала передислокация полка Иоганна (Ягана) Трейдена из Новгорода в

Псков из-за высоких цен на хлебные запасы в мае 1662 года [Жуков, 2014, 119]. Однако там солдаты столкнулись с теми же финансовыми и продовольственными трудностями, выразившимися в чрезмерно высоких ценах и, как следствие, нехватке жалованья [Там же, 120]. Перевод полка желаемого результата не принес, скорее наоборот, ситуация заметно ухудшилась.

Во время переброски данной воинской части в Псков в середине мая в районе Опочки произошел, пожалуй, один из самых дерзких вооруженных солдатских побегов в истории олонецких полков «нового строя», который в дальнейшем спровоцировал солдатский мятеж в Пскове и положил начало волне массового дезертирства. По данным источников, в побеге участвовало 50 человек, а возглавляли их сержанты Мирошка Осипов и Климка Федоров. В результате организованного командованием полка преследования беглецов с боем удалось схватить зачинщиков, остальные дезертиры смогли оторваться от погони и скрыться [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 117, 149; Жуков, 2014, 123–124].

Арестованные сержанты, по задумке командования, должны были понести серьезное наказание, которое послужило бы острасткой будущим солдатам: Мирошку Осипова планировалось повесить в Пскове, а Климку Федорова – в Заонежских погостах, откуда они и были родом. Однако казнь Мирошки Осипова была сорвана взволновавшимися псковичами. Под предводительством протопопа Кондрата Кузмина толпа горожан перед самой казнью напала на присутствовавших на площади офицеров полка. Затем Мирошку Осипова восставшие отбили у палача и укрыли в одном из посадских домов: «и его, полковника, и начальных людей хотели убить, и он де, под[с]кочив на лошадь, одва от них с поля уехал». Солдаты, недолго думая, примкнули к восстанию и беспорядкам в городе: «многие солдаты ево, полковника с начальными людьми, бранили, и стало де в салдатех непослушанье большое» [Жуков, 2014, 124–127; Бочкарев, 2020, 95–96].

Таким образом, в условиях глубокого финансового кризиса попытка снятия социально-экономического напряжения путем переброски или рассредоточения полков по разным населенным пунктам для прокорма себя не оправдывала. Очевидно, что такая структурная проблема требовала более серьезного подхода к ее решению. К этому нужно прибавить и специфическую военную мобилизацию крестьян Олонецкого уезда, которая, как показала история, имела больше минусов, чем плюсов, и грозила разорением обширных территорий крестьянских хозяйств, лишившихся кормильцев, воюющих и умирающих в действующей армии [История Карелии, 2001, 125]. Военно-стратегические неудачи, отступление в Белоруссии осенью 1661 года также сыграли негативную роль. В итоге сами обстоятельства бегства солдат стали более разнообразны: наряду с дезертирством из действующей армии [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 24–30, 32–34, 124–125] распространение получили побег из «призывных» колонн, когда солдаты

толпами разбегались по домам с дороги на сборный пункт [Там же, 2–3, 6–7, 66]. Уже к 1663 году счет участников таких побегов шел на сотни [Там же, 160]; Новгородский разрядный полк разваливался на глазах.

На этом фоне довольно странно выглядит заявление Б.А. Репнина в письме государю о том, что солдаты дезертируют по каким-то своим мотивам, а не от проблем с продовольственным снабжением: «А бегают, государь, они не от хлебные скудости, [а] своею корыстью» [Жуков, 2014, 107].

Побег Мирошки Осипова и Климки Федорова, сорванная казнь и последовавшие за ними мятеж и беспорядки в Пскове спровоцировали беспрецедентное массовое дезертирство солдат олонецких полков «нового строя» в летне-осенний период 1662 года. Практически сразу после описываемых событий побег из полка Иоганна Трейдена совершили еще двадцать человек (во время перехода в Остров), забрав с собой денежное и хлебное жалованье и оружие [Там же, 125–127].

В целях борьбы с дезертирством функционировала система сыска и возвращения в строй беглых солдат. Розыскные мероприятия, проводившиеся *сыщиками*, то есть специально назначенными для этого начальными людьми, осуществлялись на основании именных списков беглых солдат в местах их проживания. Обнаружив дезертиров и преодолев часто отмечавшееся сопротивление односельчан, сыщик высылал беглого солдата обратно в полк под конвоем. Одновременно с солдатских родственников брались специальные документы – *поручные записи*. Для государства это являлось попыткой компенсировать затраты на содержание солдат, ведь в случае повторного бегства с поручителей взыскивался штраф в размере полугодового солдатского жалованья, изымалась определенная одежда в счет обмундирования, а один из поручителей отправлялся в войска вместо дезертировавшего солдата [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 8–9, 26–30, 65–66; Бочкарев, 2019, 282].

Однако из-за высокой степени сплоченности крестьянского сообщества розыскная система провалилась. Летом 1662 года, на пике солдатского неповиновения, воевода Б.А. Репнин просил царя ужесточить наказания за дезертирство и присылать московских сыщиков взамен местных, так как «норовят, государь, тем салдатом они ж, сыщики, потому что они одне новгородцы, друзья и хлебоядцы» [Жуков, 2014, 108]. Воевода требовал у гражданских и военных властей более решительных действий для поимки и возвращения в строй беглых солдат, но эти старания ни к чему не привели [Там же, 128].

Солдаты активно бежали из полков практически до самой зимы 1662–1663 годов. Возвращаясь к полку Иоганна Трейдена, обратим внимание на побег, произошедший 8 сентября 1662 года, когда из-под Опочки дезертировали 16 солдат. Поймать и вернуть обратно в полк удалось 11 человек. Среди источников сохранились допросные речи солдат. Их показания выделяются из всей массы документов по дезертирству тем, что о недостатке пищи говорят не

должностные лица, а сами солдаты. Именно они признаются, что есть им нечего, и, не видя иного выхода, покидают расположение части. На эти рассуждения наталкивают слова допрашиваемого сержанта Ефтюшки Семенова: «А на подворье де у них осталось хлеба в кади немного» [Жуков, 2014, 132–133]. Очевидно, что проблема снабжения и содержания олонецких солдат до сих пор оставалась нерешенной, несмотря на многомесячные попытки хоть каким-то образом исправить ситуацию.

Дефицит продовольствия и нехватка жалованья обострялись иными проблемами. Периодически жалованье выдавалось с большой задержкой или не выдавалось вообще, что могло быть связано с бюрократической волокитой или же с обыкновенной коррупцией и утайкой части денег. Это вызывало возмущение военнослужащих; до нас дошли их жалобы. В конце сентября – начале октября по распоряжению воеводы Б.А. Репнина нужно было произвести выплату *кормовых денег* за сентябрь солдатам и офицерам части полка Иоганна Трейдена, дислоцировавшимся в Опочке и готовившимся к походу. Однако опочецкий воевода Семен Бешенцов отказал в выплате. Подполковник Христофор Трейден жаловался Репнину на Бешенцова, который «сказал, что в государевой казне на Опочке никаких денег нет», хотя всем было известно, что у него «в государевой казне денги есть болши семисот рублей, которые денги у нас [офицеров] и у салдат вычитаны из наших кормовых денег за хлеб и за иные запасы. А он, Семен Бешенцов, нам и салдатом тех денег не дает, неведомо для чего морит голодною смертью» [РГАДА, ф. 210, оп. 11, стб. 129, 188–189].

Репнин в ответ требовал от воеводы Бешенцова «кормовые деньги давать безволокитно», угрожая наказанием [Там же, 188 об.]. Однако последний оправдывался тем, что из 150 человек, кому он должен выдать жалованье, большинство его получило; без денег остались 23 человека, и воевода пишет: «без твоего боярского указу [имеется в виду Репнин] кормовых денег давать не смеет» [Жуков, 2014, 136].

* * *

Система обеспечения продовольствием служилых людей «по прибору», в том числе полков «нового строя», в основном сформировалась к 1649 году, когда закрепила свой правовой статус в Соборном Уложении. Опираясь на Уложение, система продовольственного снабжения функционировала на основе ряда отдельных указов. Хлебный и Житный приказы, военное командование и уездные власти занимались заготовкой и распределением хлебных запасов по воинским частям. Хлебное жалованье выдавалось солдатам в счет части их основного жалованья, удерживавшегося в казне. Таким способом обеспечивались походные войска и маршевые подразделения. Если государство не было способно поставлять продовольствие в войска, существовала практика выплаты денег вместо продуктов: как правило, такой порядок соблюдался в отношении гарнизонов. Финансовый кризис как последствие неудач-

ной денежной реформы царского правительства привел к нестабильности системы снабжения. Из-за взлетевших в несколько раз цен на основные товары и частых задержек жалования солдаты и даже офицеры Новгородского полка не могли прокормиться. Кроме того, разгромная кампания 1661 года в Белоруссии и несовершенная мобилизационная политика в отношении солдат-крестьян вызвали падение дисциплины среди личного состава олонечских полков «нового строя», солдаты которых несли на своих плечах основную тяжесть войны на западе и северо-западе: за годы войн с Польшей и Швецией около 1200 солдат и драгун были убиты, ранены или попали в плен [История Карелии, 2001, 125]. Хотя правительство пыталось нормализовать ситуацию, паллиативные меры, будь то перевод отдельного полка из экономически загруженного Новгорода в Псков или небольшие прибавки к месячному довольствию, не могли серьезно повлиять на исправление положения. Напротив, лето и осень 1662 года оказались периодом, который характеризуется массовыми побегам — солдаты уходили организованными вооруженными группами по несколько десятков человек. В следующие годы масштабы бегства лишь увеличивались: уже в 1663 году люди бежали сотнями, причем на этапе отправки на сборный пункт. Ответом на ситуацию стали ужесточение наказаний за дезертирство и активная работа системы сыска и возвращения в строй беглых солдат. Тщетные попытки наведения порядка и улучшения снабжения и содержания поселенных войск привели к пересмотру необходимости привлечения к военной службе крестьян. В конечном счете в 1666 году [Там же], за год до заключения Андрусовского перемирия и окончания войны с Речью Посполитой, олонечские полки «нового строя» были упразднены.

ЛИТЕРАТУРА

- АМГ — Акты Московского государства. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. 773 с.
- АМГ. Т. 3: Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1901. 674 с.
- Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 116 с.
- Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. 770 с.
- Бочкарев А.С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонечских полков «нового строя» в 1660-е гг. // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 3(23). С. 277–288.
- Бочкарев А.С. Конфликты олонечских солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 93–100.
- Вдовина Л.Н. Пища и утварь // Очерки истории культуры XVII в. Ч. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 219–233.
- Гордон П. Дневник, 1659–1667. М.: Наука, 2003. 315 с.
- Епифанов П.П. Войско // Очерки истории культуры XVII в. Ч. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 234–264.

Жуков А.Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 91–187.

Затлер Ф.К. Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. 1. СПб.: Тип. торг. д. С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К^о, 1860. 372 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.

Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. М.: Госюриздат, 1954. 169 с.

Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 557 с.

Петрей П. История о Великом княжестве Московском. М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1867. 574 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Олонец. Д. 4. 521 л.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 109. 217 л.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. 272 л.

Соборное Уложение 1649 г. М.: Изд-во Московского университета, 1961. 431 с.

Столетие военного министерства 1802–1902. Главное интендантское управление. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1903. 542 с.

A.S. Bochkarev,
Postgraduate Student,
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(ILLH KarRC RAS)
Petrozavodsk, Russia

«Bread Poverty» as a Factor of Destabilization in the Olonets «New Order» Regiments in the 1660s

The article examines the problems of the food supply system of the Russian army during the Russo-Polish War of 1654–1667. An attempt is made to reveal the degree of dependence of the increased scale of desertion among soldiers in the Olonets «new order» regiments from the supply crisis of the early 1660s. The study applies a historical and genetic method, as well as a comparative method. The author argues that the maximum aggravation of relations between soldiers and the command in 1662 was largely due to the negative consequences of the monetary reform of the middle of the 17th century and the late payment of bread and monetary salaries. Moreover, inconsistent government policy on the soldiers of Olonetsky Uyezd provoked a sharp increase in the number of soldiers deserting from the army. The measures taken by the authorities to suppress the impoverishment of the soldiers came to failure. The fight against desertion took various forms, but it was also not possible to stop desertion from the regiments.

Key words: *Olonets «new order» regiments; food supply system; bread salary; desertion; Russo-Polish War of 1654–1667.*

REFERENCES

- Bazilevich K.V. Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662 [Denezhnaya reforma Alekseya Mikhailovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu]. Moscow, Leningrad, 1936. 116 p. (in Russian).
- Bobrovsky P.O. Military law in Russia under Peter the Great [Voennoye pravo v Rossii pri Petre Velikom]. P. 2, Issue 2. St. Petersburg, 1886. 770 p. (in Russian).
- Bochkarev A.S. Conflicts between Olonets soldiers and military commanders: rebellion of 1662 [Konflikty oloneckikh soldat s voinskim komandovaniem: myatezh 1662 goda]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, vol. 42, no. 8, pp. 93–100 (in Russian).
- Bochkarev A.S. Desertion and search for fugitive soldiers of Olonets «new order regiments» in the 1660s [Dezertirstvo i sysk beglykh soldat oloneckikh polkov «novogo stroya» v 1660-e gg.]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. Issledovaniya po rossiyskoi i vseobshchei istorii*, 2019, no 3 (23), pp. 277–288 (in Russian).
- Centenary of the War Office of 1802–1902. Main Quartermaster Directorate [Stoletie voyennogo ministerstva 1802–1902. Glavnoye intendantskoye upravlenie]. St. Petersburg, 1903. 542 p. (in Russian).
- Gordon P. Diary, 1659–1667 [Dnevnik, 1659–1667]. Moscow, 2003, 315 p. (in Russian).
- History of Karelia from ancient times to the present day [Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei]. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (in Russian).
- Kalinychev F.I. Legal issues of the military organization of the Russian state in the second half of the 17th century [Pravovye voprosy voennoi organizatsii Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVII veka]. Moscow, 1954. 196 p. (in Russian).
- Kotoshikhin G.K. On Russia during the Reign of Alexey Mikhailovich [O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha]. Moscow, 2000. 272 p. (in Russian).
- Lappo-Danilevsky A.S. Organization of direct taxation in the Moscow state from the Time of the Troubles to the era of transformations [Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovaniya]. St. Petersburg, 1890. 557 p. (in Russian).
- Moscow State Acts [Akty Moskovskogo gosudarstva]. Vol. 2. St. Petersburg, 1894. 772 p. (in Russian).
- Moscow State Acts [Akty Moskovskogo gosudarstva]. Vol. 3. St. Petersburg, 1901. 674 p. (in Russian).
- Petrieus P. The history of the Grand Duchy of Moscow [Istoriya o Velikom knyazhestve Moskovskom]. Moscow, 1867. 674 p. (in Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)]. Fund 137. Olonets. Case 4. 521 p. (in Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)]. Fund 210. List 11. Record 109. 217 p. (in Russian).
- Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)]. Fund 210. List 11. Record 129. 272 p. (in Russian).
- Sobornoye Ulozhenie, 1649*. Moscow, Moscow State University Publishers, 1961. 431 p. (in Russian).
- Vdovina L.N. Food and utensils [Pishcha i utvar']. *Ocherki istorii kul'tury XVII v.* Part 1. Moscow, 1979, pp. 219–233 (in Russian).
- Yepifanov P.P. Army [Voisko]. Essays on the history of culture of the 17th century [Ocherki istorii kul'tury XVII v]. Part 1, Moscow, Moscow University Publishers, 1979, pp. 234–264 (in Russian).
- Zatler F.K. Notes on the food of the troops in wartime [Zapiski o prodovol'stvii voisk v voyennoe vremya]. Part 1. St. Petersburg, 1860. 372 p. (in Russian).
- Zhukov A.Yu. Olonets «new order» regiments in 1662: documents and materials [Olonetskie polki «novogo stroya» v 1662 g.: dokumenty i materialy]. *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody. Polevye issledovaniya i arkhivnye materialy*. Petrozavodsk, 2014, pp. 91–187 (in Russian).